

УДК 947+336.74«1914-1917»

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**
**Problems of Legal Regulation of Currency Circulation
in Eastern Russia during the First World War**

Д. И. Петин – главный архивист центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области, кандидат исторических наук

D. I. Petin – Chief Archivist of the Civil War History Study Center of the Omsk Region History Archive, Candidate of History Sciences

Аннотация. В статье представлен обзор общей финансово-экономической ситуации на востоке России в период Первой мировой войны. Отдельное внимание автором уделено первым опытам локальных эмиссий денежных суррогатов.

The survey of the overall economic and financial situation in the Eastern Russia during the First World War is presented in the article. Special attention is paid by the author to the first experience of local emissions of money surrogates.

Ключевые слова: Первая мировая война, финансы, Сибирь, денежное обращение.
The First World War, finances, Siberia, currency circulation.

Беспрецедентные события истории функционирования отечественных финансов в годы Гражданской войны в условиях общегосударственного кризиса политики и экономики уже неоднократно привлекали внимание исследователей. Однако не стоит забывать, что первопричины упадка экономической сферы берут начало в историческом периоде, предшествовавшем революции и Гражданской войне. Ведь именно Первая мировая война повергла российскую государственность и экономику в критическое положение. На наш взгляд, именно война оказала деструктивное влияние на финансово-экономическую сферу Российской империи даже в более значительной степени, чем последовавшие вслед за ней революционные события 1917 г.

Опыт мировой истории неоднократно показывал, что денежное обращение выступает в роли своеобразного индикатора общего состояния экономики государства. В связи с этим изучение событий военно-политической сферы сквозь призму финансов видится оригинальной формой исследования, в том числе и для периода Первой мировой войны. В то же время привлекает внимание и опыт функционирования денежного обращения на востоке России в эти годы. Военный период 1914–1917 гг. внес значительные изменения в функционировании финансов в этом самом масштабном тыловом регионе страны.

Но для того чтобы суть рассматриваемого вопроса стала более понятной, для начала обратимся к обзорной картине денежного обращения в стране, начиная с конца августа 1914 г.

Было вполне закономерным явлением, что три военных года поспособствовали значительному увеличению государственных расходов и, как следствие, росту бюджетного дефицита, внешнего и внутреннего долга. Война, постоянно требовавшая от государства значительного объема все новых и новых ассигнований, привела к тому, что со стороны центральной власти регулярной стала практика внутренних и внешних займов, сопровождавшаяся выпуском специальных ценных бумаг (облигаций и особых казначейских билетов, в том числе для обращения за границей).

Свободный размен кредитных билетов на золото еще осенью 1914 г. был прекращен. В то же время уже в 1915 г. в денежном обращении проявилась любопытная тенденция: функции находившихся в обращении денежных знаков разделились в зависимости от материала их изготовления. Денежное обращение начиная с 1916 г. стало полностью бумажным. Но бумажные деньги исполняли в большей степени функции средств для наличного расчета, а металлические деньги превратились в предмет тезаврации. Металлические деньги продолжали выпускаться практически до момента свержения царской власти. В частности, специалистам по нумизматике известны монеты Николая II с датой «1917». Но золотые и серебряные монеты (а впоследствии даже медные) уже в 1915–1916 гг. воспринимались рядовым населением как полноценные и более надежные средства для сохранения денежных накоплений. Функции разменных серебряных и медных монет в обращении выполняли специально выпущенные царским правительством разменные денежные суррогаты, исчисленные в копейках, – казначейские знаки образца 1915 г. и деньги-марки [4, с. 60, 95–98, 120].

Все это сопровождалось значительным увеличением темпа эмиссии необеспеченных бумажных денег, товарным дефицитом и ростом цен. В результате обесценение российской национальной валюты происходило весьма стремительными темпами. За 1914–1917 гг. кредитный бумажный рубль обесценился в четыре раза. Если в августе 1914 г. в обращении находилось 1,6 млрд рублей, то к марту 1917 г. эта цифра составляла порядка 10 млрд рублей при покупательной способности рубля не более 27 копеек. К октябрю 1917 г. в обращении было уже порядка 19,5 млрд рублей, а покупательная способность рубля не превышала уже 6–7 копе-

ек. В золотом исчислении стоимость возростающей эмиссии бумажных денег с середины 1914 г. до начала 1918 г. снизилась с 1,4 до 0,525 млн рублей [3, с. 215–252; 11, с. 35; 12].

Временное правительство Львова-Керенского, продолжившее в денежно-эмиссионной политике линию императорской власти, увеличивало эмиссию необеспеченных бумажных денег, вводя собственные новые образцы денежных знаков. В марте 1917 г. появился и новый государственный внутренний заем – Заем свободы. Временное правительство планировало осуществить реформу денежной системы государства на основе введения в обращение новых банкнот, для чего в Североамериканских Соединенных Штатах на фабрике American banknote company был размещен специальный заказ на изготовление денежных знаков высокого полиграфического уровня, не уступающих по качеству дореволюционным кредитным билетам. Кроме того, в 1917 г. консорциумом тридцати крупнейших банков Петрограда и Москвы были подготовлены к выпуску особые денежные знаки нового образца, а также чеки ограниченного времени обращения. Однако ни один из указанных эмиссионных проектов в силу различных причин так и не был осуществлен Временным правительством.

Но денежное обращение в стране претерпело изменения не только в ходе общеполитической ситуации. Новая и зачастую тяжелая обстановка складывалась на местах, прежде всего, по причине географических особенностей Российского государства. Региональная система казначейств и банковских отделений представляла собой большую разветвленную сеть. И первые затруднения в финансовой сфере возникли уже сразу с началом Первой мировой войны.

Действительно, проблемы эти являлись масштабными, однако пока они еще не имели какого-либо устрашающего характера. В частности, к концу 1914 г. на восток России был направлен значительный поток солдат и офицеров противника, оказавшихся в плену у русской армии в ходе боевых действий. Как следствие, с появлением в регионе иностранных подданных из числа военнопленных в обращение стало попадать большое количество иностранной валюты. Главным образом это были немецкие марки и австрийские кроны. Иностранные денежные знаки, представленные как банкнотами, так и монетами, стали предъявляться иностранцами при расчетах

с населением и платежах в учреждениях. В связи с этим региональные отделения Государственного банка, находящиеся на востоке России, стали запрашивать Петроград о том, как следует поступать с предъявляемой в платежи иностранной валютой. Но возникший межведомственный вопрос удалось оперативно разрешить.

Для быстрого предотвращения возникших сложностей при расчетах Главное управление Генерального штаба императорской армии сделало специальный запрос в Министерство финансов. Российское финансовое ведомство в ответ предписало отделениям Государственного банка, губернским и уездным казначействам принимать иностранную валюту по следующим фиксированным курсам военного времени: германские кредитные билеты принимались из расчета 30 копеек за одну немецкую марку, австрийские банкноты – 25 копеек за одну крону. Монеты принимались исключительно отчеканенные из драгоценных металлов, при этом немецкая марка оценивалась в 46,17 копейки, австрийская крона – в 39,15 копейки. В то же время бронзовые, никелированные и медные монеты пригодными для платежей на территории Российской империи Министерством финансов признаны не были [5, л. 38–38 об.]. Начиная с 9 сентября 1916 г. к списку валюты противников, принимаемой отделениями Государственного банка, добавили и турецкую лиру, которая принималась в золотой монете по 8,5 рублей за лиру нового чекана и по 3 копейки за 1 пиастр в банкнотах [2, л. 93–93 об.].

Интересны также проявления своего рода экономического гуманизма, которые, как видно, были нормальной практикой для противостоявших в войне сторон. В частности, 14 ноября 1916 г. от Главного управления Генерального штаба было получено сообщение, что правительство кайзеровской Германии издало распоряжение о повышении курса размена российских рублей на немецкую марку для русских военнопленных. В ответ для германских военнопленных также была повышена стоимость германских банкнот и серебряной монеты при обмене: германские банкноты стали приниматься по 37 копеек за 1 марку, германская серебряная монета – по 20 копеек за 1 марку [2, л. 110].

В то же время нормальная финансовая связь окраинных территорий с центром (в том числе и востока России) стала нарушаться. Общий кризис финансовой сферы всего государ-

ства наиболее остро стал проявляться в удаленных от его центра местностях, где учреждения Государственного банка и казначейства перестали получать необходимое им кассовое подкрепление в установленные сроки и в требуемом объеме.

Перебои с присылкой денежного подкрепления в итоге привели к тому, что приток денежных знаков в кассы сократился. Отдельные районы и области востока России стали остро ощущать денежный кризис, который, достигая своего апогея, обычно разрешался выпуском местных денежных суррогатов [10, с. 1]. Так, нарушение привычных экономических связей на востоке России в 1915–1916 гг. стало причиной первых опытов узко локализованных эмиссий денежных знаков необязательного обращения (бон). Подобного рода платежные средства стали выпускаться в обращение еще в тот период, когда финансовая сфера в регионе была относительно стабильна (по сравнению с тем, что будет иметь место в недалеком будущем). Данные выпуски денежных суррогатов не имели никакого официального разрешения центральной власти, а их появление в денежном обращении диктовалось жизнью и было связано с усугублявшейся тяжелой обстановкой в региональных финансах. Ключевой функцией этих бон было восполнение дефицита в денежном обращении разменной монеты. Характерными примерами такого рода местных платежных средств являются боны кооперативных организаций на Урале в 1916–1917 гг. [9, с. 44–45, 91]

Особняком выделяется прецедент в денежном обращении, опять же связанный с иностранными военнопленными. В городах Сибири и Дальнего Востока появлялись специальные лагеря для военнопленных, имевшие свою хозяйственно-экономическую жизнь. Известны многочисленные боны лагерей военнопленных, занявшие собственную нишу в локальном денежном обращении уже вскоре после появления их эмитентов в 1916–1917 гг. [14, с. 17, 20, 36–38, 42–43, 46–47; 15, с. 119–130] Но предназначались лагерные платежные средства в большей степени для внутренних расчетов.

Однако дореволюционные выпуски местных денежных суррогатов, обеспечивавшие недостающим разменным финансовым подкреплением некую ограниченную территорию, весьма незначительно повлияли на общее состояние денежного обращения в регионе. Ключевые позиции

все еще сохранялись за общегосударственными кредитными билетами и казначейскими знаками царского, а затем и Временного правительств. Тем не менее тенденция дефицита денежных знаков осенью 1917 г. уже твердо наметилась в денежном обращении востока России [6, л. 15–17]. Деятель антибольшевистского движения и финансист В. П. Аничков (1871–1939 гг.) вспоминал позднее: «Начало осени 1917 г. ознаменовалось в финансовой области денежным голодом, несмотря на выпущенные «зеленые деньги» достоинством в 250 и 1000 рублей и «керенки» в 20 и 40 рублей» [1, с. 55]. О дефиците в обращении разменных денег в Забайкалье летом 1917 г. свидетельствует и иркутский краевед Н. С. Романов (1871–1942) [13, с. 244].

Уже в начале осени 1917 г. существенно пострадала в Сибири из-за нехватки наличных денег заготовка продовольствия, являвшаяся в военное время для государства вопросом стратегически важным. В этот период организации, отвечавшие за это, пытались рассчитываться с поставщиками вкладными листами, специальными удостоверениями и другими способами (минуя наличные деньги). Были отмечены выпуски специальных бон кредитными союзами для

заготовителей хлеба. Но эти меры в конечном итоге приводили к росту негодования населения и сокращениям сдач хлеба (вплоть до отказа). Подобные явления имели место в Акмолинской области, Тобольской и Алтайской губерниях. В начале осени 1917 г. для решения вопроса, связанного с недостатком денежных знаков, организации, заготавливавшие продовольствие, направляли в Петроград своих делегатов. Однако неизвестно, дал ли данный шаг какой-то положительный эффект в деле устранения денежного дефицита в сфере заготовки продовольствия [6, л. 95об–96об; 8, л. 36; 7, л. 107, 134]. Очевиднее всего, что последовавшие политические события в Петрограде привели к еще большему усугублению финансовой ситуации в отдаленных местностях Сибири.

Переломный момент отечественной истории, связанный с приходом к власти большевистского правительства в ноябре 1917 г., совпал с новым витком острого политического и социально-экономического кризиса в стране. Экономические связи центра и провинции в этот период пришли в полный упадок. С началом активных боевых действий Гражданской войны финансовая ситуация в регионе еще более усугубилась.

Библиографический список

1. Аничков, В. П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922) / В. П. Аничков. – М. : Русский путь, 1998.
2. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. И-175. Оп. 2. Д. 1167.
3. Денежное обращение в России : в 3 т. / Банк России ; [ред. совет : Г. И. Лунтовский, А. Н. Сахаров, А. В. Юров]. – М. : ИнтерКрим-пресс, 2010. – Том I : Исторические очерки: с древнейших времен до наших дней / Ю. П. Бокарев [и др.]. – 462 с.
4. Денисов, А. Е. Бумажные денежные знаки России 1769–1917 : в 4 ч. / А. Е. Денисов. – М. : Информэлектро, 2004. – Ч. 3 : Государственные бумажные денежные знаки 1898–1917 гг. – 207 с.
5. Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 23. Оп. 1. Д. 138.
6. Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 595. Оп. 1. Д. 3.
7. Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 595. Оп. 1. Д. 3А.
8. Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 595. Оп. 1. Д. 44.
9. Козлов, В. Ю. Боны и люди. Денежное обращение Урала: 1830–1933: Опыт нестандартного каталога / В. Ю. Козлов. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000. – 352 с.
10. Местные денежные знаки и политика Министерства финансов // Вестн. финансов, промышленности и торговли (Омск). – 1919. – № 7.
11. Покупательная способность рубля // Трудовая Сибирь (Омск). – 1919. – 10 июля.
12. Преображенский, Е. А. Русский рубль за время войны и революции / Е. А. Преображенский // Крас. нива (Москва). – 1922. – № 2. – С. 242–257.
13. Романов, Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Н. С. Романов ; сост., предисл. и примеч. Н. В. Куликаускаене. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 560 с.
14. Чагин, В. В. Денежные знаки лагерей военнопленных и частей Чехословацкого корпуса в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке (1916–1920) / В. В. Чагин. – Красноярск : Диграф, 2009. – 68 с.
15. Чашин, А. И. Сретенск. Страницы истории (Казачество. Купечество. Военнопленные. Денежные знаки) / А. И. Чашин. – Чита : Экспресс-издательство, 2009. – 256 с.